

ДУАЛИЗМ КОНЦЕПТОВ – НА СЛУЖБУ СИНЕРГИИ «ДВУХ СИНЕРГЕТИК»

Б.Н. Поизнер

Миссия и стратегия синергетики – интеграция «наук о природе» с «науками о духе». Не противоречит ли им ситуация «двух синергетик»: аутентичной и метафорической (по В.Г. Буданову)? Показано, что наличие «двух культур», осознанное ещё Дж. Вико, обусловлено дуализмом концептов, то есть единиц коллективного (со)знания. Одни концепты аккумулируют научные обобщения, другие – ценности. Автор выдвигает концептологическую задачу синергетики: сделать средством полидисциплинарной консолидации составление Словаря концептов синергетики; развивать синергию «двух синергетик», используя фонд концептов как основу компаративного исследования. Рассмотрен концепт *истина* (этимология слова в различных языках и его толкования). По мнению автора, можно объединить эвристические потенциалы глобального эволюционизма, синергетики, теории знаковых систем, фрактальной семиотики В.В. Тарасенко, аттрактив-анализа А.И. Сосланда, концепта *репликация*, разрабатывая обсервационный аспект поиска истины.

Я верю, что я призван искать истину и утверждать найденное мною, несмотря на весь связанный с этим риск.

М. Полани

Введение. Дуализм познания и двойственность синергетики

Д.И. Трубецков [1, 2] и ряд других творцов, методологов, критических апологетов синергетики выдвигают на передний план её экстраординарную миссию *системного интегратора* двух сфер знания: «наук о духе» и «наук о природе». Сферы эти сегодня сохраняют заметную изолированность из-за различия их методов. Однако много столетий истолкование действительности – будь то стихия или действия людей – было единым, а магистральным способом понимания мира служил мимесис (др.-греч. μιμησις – подражание, воспроизведение). Изучая его на примере изображения действительности западноевропейской литературой (1945), Э. Ауэрбах напоминает, что Платон («Государство», книга X) в контексте познания ставит μιμησις на

третье место после категории *истина* [3, с. 545]. (Особенности соотношения между мимесисом и моделированием в искусстве [4] мы не затрагиваем.)

С 1600-х годов начинается этап, названный А. Койре (1939) научной революцией XVII в., поскольку особую роль получают опытное знание и придание физике математического характера [5, с. 8–9]. Подчеркнём: новая математика (в лице Р. Декарта, Г.В. Лейбница, Ис. Ньютона) более или менее сознательно стремится обосновать свои аксиомы с помощью глобальных метафизических постулатов – «архитектонических начал человеческого знания»: принципов непрерывности, достаточного основания, законпостоянства. Они устанавливали взаимное соответствие между реальностью и математическими конструкциями, сыграв «фундаментальную конститутивную и эвристическую роль при построении новых математических областей» [6, с. 5]. В конкурентной борьбе с античной и эзотерической трактовками назначения математики победила стратегия математического моделирования. На успех её повлияла, в частности, высокая скорость передачи и воспроизводства алгоритмов [7].

Кому же принадлежит идея противопоставления двух комплексов наук? По видимому, Дж. Вико (1668–1744), неаполитанскому профессору риторики, основателю философии истории и психологии народов. Его прославило сочинение «Основания Новой науки об общей природе наций» (1725), где предложена циклическая модель истории в целом и развития каждого народа в отдельности. Размышляя о принципах построения всеобщей истории, Дж. Вико полагает их качественно иными, чем в естествознании. Он исходит из критики антропоморфизма (от др.-греч. *ανθρωπος* человек + *μορφή* вид, форма), то есть уподобления природных явлений человеку: «если люди не знают естественных причин и не могут их объяснить подобными им вещами, то они приписывают им свою собственную природу<....>» [8, с. 83]. А сферу социального и исторический процесс он считает чем-то рукотворным, вследствие чего – принципиально познаваемым, но при условии соблюдения правил логики, как это делают математики, опирающиеся на аксиомы: «<....> ведь Мир Наций был, безусловно, сделан людьми <....>, и поэтому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного Человеческого Сознания; а где творящий вещи сам же о них и рассказывает, там получается наиболее достоверная история». Дж. Вико убеждён, что история культуры («наша Наука») «продвигается совершенно так же, как Геометрия <....>, но в наших построениях настолько больше реальности, насколько более реальны законы человеческой деятельности, чем точки, линии, поверхности и фигуры» [8, с. 118]. (Кстати говоря, труд Дж. Вико перевёл на немецкий (1925) Э. Ауэрбах [3, с. 5].)

Методологическую трещину в храме познания, разделяющую «науки о духе» и «науки о природе», констатировали – вслед за Г.В.Ф. Гегелем, Дж.С. Миллем, Г.Л.Ф. Гельмгольцем – В. Дильтей (1883, 1905–1910) [9], Г. Коген (1871, 1885), Г. Риккерт (1896–1902, 1899–1910) [10; 11, с. 44–129]. В. Дильтей подчёркивал системность и многомерность культуры [9, с. 213–224], Г. Риккерт делал акцент на системе ценностей (как фундаменте культуры) и в этом контексте ввёл понятие *открытая* система (1914), утверждая: «идея законченной системы содержит в себе прямое противоречие» [11, с. 364]). Опасные – для гуманизма – последствия, вытекающие из разобщённости «наук о духе» и «наук о природе», стали предметом анализа и дискуссии в конце 1960-х у сэра Ч.П. Сноу («две культуры»), в 1974-м

у сэра Ис. Берлина («разрыв между естественными и гуманитарными науками») и у других.

С синергетикой связывают надежды на повышение «степени самопонимания» (термин Ис. Берлина [12, с. 411]) человека, истории и форм его культуры, приблизившейся к тревожному рубежу «сильной нелинейности» и неустойчивости. На этой позиции – несмотря на идущие споры о предмете, границах, методологических полномочиях, терминологии синергетики – стояли многие учёные 1980–1990-х годов: А.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В. Вайдлих, Ю.А. Данилов, Ю.Л. Климонтович, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, П.С. Ланда, Г.Г. Малинецкий, Ю.И. Неймарк, И. Пригожин, М.И. Рабинович, А.П. Руденко, А.Л. Санин, В.С. Стёпин, Д.И. Трубецков, Г. Хакен, Д.С. Чернавский, В. Эбелинг, М. Эйген. В последнее время этим проблемам посвящены, скажем, работы [13–17]. Да, чрезвычайно сложно прекратить «великий спор, конца которому не видно» [12, с. 410] и который не даёт восстановиться – на новом уровне – целостность (по)знания. Например, В.Г. Буданов по поводу трансляции междисциплинарной методологии в сообщество гуманитариев указывает на «проблему двух культур в духе Чарльза Сноу» [15, с. 25]. В качестве шага к восстановлению целостности знания и налаживанию междисциплинарной коммуникации он предлагает делить синергетику на *аутентичную* (от др.-греч. αὐθεντίας – собственной рукою совершённый) и *метафорическую* (от др.-греч. μεταφέρω – переносить), признав методологическую легальность обеих. Первая («концептуальный геном синергетики» [15, с. 19]) зиждется и развивается на пересечении, конструктивном синтезе трёх начал: нелинейного моделирования, практической философии и предметного знания. Во второй же термины синергетики (бифуркация, самоорганизация и т.д.) употребляются в переносном значении. Это нередко имеет место в гуманитарной среде и околонучных кругах [15, с. 16–21]. Заметим, что в контексте исследования, мышления, моделирования правомерно толковать метафору как особый вид мимесиса.

Означает ли наличие «двух синергетик», логично обоснованное В.Г. Будановым, проявлением того дуализма (по)знания, который исследовали Дж. Вико и философы XIX века? Не ставит ли это под сомнение интегративные запросы и возможности синергетики?

Дуализм концептов – благо для синергетики?

Поиски ответа, очевидно, следует вести в рамках компетенции аутентичной синергетики, исходя из её состава. Целесообразно привлечь тот раздел практической философии, который тесно соприкасается с *когнитивистикой* (от лат. cognitio – познание, восприятие). Она изучает и моделирует феномены разума, мышления, ментальных (от лат. mentis – ум, рассудок) процессов, принципы организации и функционирования соответствующих естественных и искусственных систем. Когнитивистика возникла на рубеже 1950–1960-х годов в США, благодаря трудам Дж. Миллера и Дж. Брунера. Сегодня она объединяет когнитивную психологию, культурную антропологию, моделирование искусственного интеллекта, нейронауку, когнитивную лингвистику [18, с. 7]. Когнитивистика нам интересна потому, что для «самопонима-

ния» культуры (в смысле Ис. Берлина) требуется раскрыть взаимоотношения между видами деятельности человека и языком. В этом плане истолкование действительности – продукт взаимодействия трёх уровней психического отражения: чувственного восприятия, формирования обобщений и абстракций, речемыслительных процессов. В итоге представление о мире организуется как система *концептов* [18, с. 10], или *универсалий* культуры [19].

Концепт (от лат. *conceptus* – зачатие, плод < *concipere* – собирать, схватывать, задумывать, начинать) в русском языке имеет своим синонимом *понятие*, но противопоставляется ему на шкале знания как «сущностное» и «поверхностное» [20, с. 12]. Согласно Фр. Ницше, «философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться. До сих пор каждый доверял своим концептам, словно это волшебное приданое, полученное из столь же волшебного мира» (цит. по [21, с. 14]). Концепт толкуется как «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [22, с. 7]. Концепт – единица коллективного (со)знания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [20, с. 219]. «Концепты, которыми мы живём», по известной формуле Дж. Лакоффа и М. Джонсона, управляют мышлением людей, структурируют человеческие ощущения, поведение, отношение к другим, влияют на повседневную деятельность – вплоть до тривиальных деталей. Наша концептуальная система в значительной степени метафорична, но этот факт обычно не признаётся [23, с. 25]. Некоторые классификации предлагают такую иерархию: *суперконцепты* (скажем, время, число), *макроконцепты* (стихии), *базовые* концепты (родина, дом), *микроконцепты* (пляска) [18, с. 16].

Чтобы определить суть концепта, Ю.С. Степанов выбирает метафору «тонкая плёнка цивилизации» (вроде кожуры яблока; физик здесь, наверное, вспомнил бы поверхностные квантовые состояния) и добавляет: когда концепты «складываются в мозаику, рождается *Новая всеобщая антропология*» [24, с. 18]. И это – не просто намёк на параллели с «Новой наукой» Дж. Вико. Ю.С. Степанов обосновывает дуализм концептов, вводя их базовую синонимию: концепт как «общечеловеческое, внациональное» тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному». Он поясняет, что в своей книге [24] «Научное» излагает *соединения концептов*, «Художественное» – *неповторимые несоединимые* концепты [24, с. 23].

Специфику и роль последних помогает установить следующее разделение: «Лингвокультурные концепты относятся к числу единиц ментальности / ментальности». Через эти категории описывают этнический характер. Ментальность – способ видения мира вообще, а менталитет – набор специфических когнитивных, эмоциональных, поведенческих стереотипов, свойственных нации. «Особенно существенно влияние на национальный характер "дублетных лингвокультурных концептов", не находящихся аналогов в других языках, таких как *правда и истина, совесть и сознание, воля и свобода*» [22, с. 11]. Не забудем, однако, о готовности концепта служить словесной тарой для чрезвычайно широкого по смыслу наполнения. Такие универсалии Б. Гройс называет *джокерами*, намекая, что они – подобно карточной фигуре

Joker – способны иметь любую семантику. По этому поводу М.Н. Эпштейн пишет, что в отличие от терминов-понятий науки и лозунгов-оценок идеологии, концепты-джокеры «обладают пустотной, чисто потенциальной формой значимости». Их выявление и эффективное использование связаны с осмыслением советской абсурдной социальности. Оно отличает творчество литераторов Л. Рубинштейна, Д.А. Пригова, Вл. Сорокина, художников И. Кабакова, В. Комара и А. Меламида, В. Бахчаняна etc. [25, с. 178–179]. Когда В.Г. Буданов и его коллеги указывают на производство «негативных метафор» [15, с. 12], которое влечёт семантическое загрязнение метафорической синергетики, угрожая её развитию, речь идёт, фактически, о пустотных формах значимости. Вот так на наших глазах *джокер* ведёт себя именно как Joker: из специального термина – скачком – в концепт! Математическую концептуализацию *джокера* предпринял в конце 1990-х годов Г.Г. Малинецкий, применяя идеи маломодовой нелинейной динамики к анализу сложных систем высокой размерности [26, с. 302].

Концептология (наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы [22, с. 7]) стремится выразить в понятиях трудноопределимый «дух народа» (Folksggeist, по В. фон Гумбольдту), то есть национальную специфику представления знания в языке. О молодости концептологии свидетельствует конкуренция неологизмов, развернувшаяся в 1990-е годы в отечественной лингвистической литературе. С термином *концепт* состязались новообразования: «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема». Слово *концепт* сегодня намного опережает соперников по частоте употребления [20, с. 41]. Конкуренция эта показательна с точки зрения синергетики. Ведь концепт, как и любое слово, – частный случай *репликатора*, то есть самовоспроизводящейся (в подходящей среде), самодостаточной, устойчивой и способной к изменчивости информационной целостности. В ситуации «порядок из хаоса» репликатор служит агентом, инициатором самоорганизации [27].

Подчеркнём ещё раз: создатели концептологии предлагают различать «категории, составляющие предельный уровень научного обобщения» и «ценности, находящиеся во владении каждого – константы культуры» [28, с. 12–13]; делить концепты по их тяготению к сфере «научного» либо «художественного» [24, с. 23]; считать, что от «известных ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип)» лингвокультурный концепт отличается тем, что его «центром всегда является ценность» [22, с. 12]. (Обычно под ценностью подразумевают: 1) значимость (положительную либо отрицательную) – для человека и общества – объектов нашего мира, которая обусловлена не их свойствами самими по себе, но их вовлечённостью в сферу жизнедеятельности людей, потребностей, социальных отношений; 2) критерии и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных нормах, идеалах, целях etc.)

Значит, противопоставление наук, идущее от Дж. Вико, находит оправдание в выводах когнитивистики о двойственности массива концептов: одни из них аккумулируют научные обобщения, другие (то есть «константы мировой культуры» [28]) хранят ценности. Истоки дуализма познавательной деятельности – в функциональной асимметрии головного мозга человека [29]. По-видимому, в этом – ещё один

аргумент, чтобы делить синергетику на аутентичную и метафорическую [15, с. 19]. Уже цитировался тезис о том, что метафоры, которыми мы живём, есть концепты [23, с. 25–58]. Дуализм концептов, бесспорно, важен для развития дискуссии о границах и возможностях интегративной функции синергетики [13–16].

На наш взгляд, полезно – как со стороны аутентичной, так и метафорической синергетики – обратиться и к категориям, составляющим «предельный уровень научного обобщения», и к «константам культуры». Логично ожидать, что при таком внимании исследователей концепты способны служить посредниками, помощниками не только в кооперации «двух синергетик», но также «наук о духе» и «наук о природе», то есть «двух культур». Не вернуться ли к идее составления словаря концептов синергетики (1997) [30]?

Так, Ю.С. Степанов, указывая на конкретные стороны явлений самоорганизации и автопойесиса (от др.-греч. *αυτος* сам + *ποιος* делание, произведение), приводит ряд понятий: самосозидание, самоконфигурация, саморегуляция, самоуправление, самоподдерживание, само(вос)производство, самоотнесённость [24, с. 59–61]. Отражение синергетики в зеркале понятия самоорганизации проясняет и «самоприменимость» синергетики (термин В.Г. Буданова [15, с. 12]), и общую тенденцию культуры: от знания самоорганизации – к самоорганизации знания [31, с. 107]. Осознав факт «вечной самоорганизации науки», Ю.С. Степанов обращается к «великому концепту "Вечность": *Самоорганизация неотъемлема от вечности и молодости*». И даёт комментарий: индоевропейское слово *вечное* значит вечномолодое (древнегреческое *αιων* (эон), то есть век, вечность, английское *young*, русское *юный*) [24, с. 62]. Согласно Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванову, к основным индоевропейским обозначениям базовых религиозных понятий принадлежит слово **aiu-* жизненная сила, вечность, продолжительность жизни. Согласно их реконструкции, оно выражало «понятие некоторой циклической силы, которая переходила от одной жизни к другой и с которой была связана идея вечности». От **aiu-* происходят: древнеиндийское, авестийское *ауи-* и древнегреческое *αιων* жизненная сила, продолжительность жизни; латинское *aevus*, *aevum* время жизни, век, вечность, *aeternus* вечный; немецкое *ewig* вечный. От основы **aiu-* образовалось индоевропейское название юноши, самого молодого, а затем древнеиндийское *уавистха* самый молодой; латинское *iuuenis* молодой, полный сил [32, с. 802].

Сошлёмся ещё на опыт изучения когнитивного концепта *репликация* (*само(вос)производство*, в терминологии Ю.С. Степанова), употребление которого особенно органично в рамках описания механизма самоорганизации. Выявлен методологический парадокс: несмотря на то, что феномен самовоспроизводства информационной целостности универсален, *репликация* – концепт, можно сказать, потаённый, трудно различимый под покровом синонимов, то есть специальных терминов, используемых в десятках наук [33].

Но если разобщённость «двух культур», то есть «разрыв между естественными и гуманитарными науками», проявляется даже на генетическом уровне («когнитивные концепты» versus «константы мировой культуры»), то к числу задач синергетики прибавляется новая – концептологическая? Вероятно, предстоит очертить круг концептов обоих родов, продуктивных для успешного выполнения синергетикой интегративной функции; провести их анализ, причём как с позиций аутентичной, так

и метафорической синергетики; сформировать, условно говоря, «Открытый Концептуарий синергетики», видя в нём средство консолидации – на уровне концептов – представителей различных областей знания, а также вспомогательный инструмент для образования. Если двойственность синергетики (аутентичная & метафорическая [15, с. 11–12, 17–20]) считать объективной, то есть выражением «двухполушарности» культуры, то нельзя ли извлечь из этого методологическую прибыль? Нельзя ли обогатить тот компонент адаптивного ресурса синергетики, который назван [15, с. 12] философской диалогичностью и рефлексивностью? Мы предлагаем ревизию фонда концептов, выполняемую представителями «двух синергетик» как *сравнительное* исследование. Известно, что метод компаративистики имеет широкое поле приложений: сравнительная эмбриология и анатомия, сравнительное литературоведение и языкознание и т.п., – сошлёмся на одну из книг Г. Гачева, подвергнувшего сравнению ментальности [35]. А здесь предмет компаративного анализа – сети концептов, которыми живут аутентичная и метафорическая синергетика, а также сопредельные им науки. Разумеется, в замысле Концептуария неизбежен утопический элемент. Но раз «синергетика может рассматриваться и как социальный мегапроект, объединяющий своей методологией представления различных аспектов бытия культуры» [15, с. 21], то в предлагаемом своде концептов правомерно видеть когнитивную репрезентацию этого бытия. Вдохновляющий прецедент здесь – «Проективный философский словарь» (2003). Кстати говоря, в нём М.Н. Эпштейн предлагает концепт *концептивизм* – «это философская деятельность смыслопорождения, организации смысловых событий» [25, с. 173]. Войдёт ли в состав замышляемого Концептуария *истина*? Исходя из гипотетической возможности этого, мы предприняли попытку её беглого анализа.

Пример. Истина: этимология и синонимы

Выясним родословную понятия, обратившись сначала к мёртвым языкам. Семантический словарь общеиндоевропейского языка помещает истину среди терминов ритуально-правового характера, выраженных производными от корня **es-* быть. К ним относится индоевропейское **s(o)nt*^[h] – истинный, действительно совершивший, отсюда определение: виновный. Далее Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов строят древо слов: хеттское *ašant-* правильный, истинный; древнеиндийское *sant-, sat-* истинный, сущий и *satya-* истина; авестийское *hant, hat-* истинный, верный; древнегреческое *τα οντα* истина, действительность, имущество; древневерхненемецкое *sand* истинный; древнесаксонское *soð* истинный, чья вина несомненна; древнеанглийское *soð* истинный; готское *sunya* истина, древнеанглийское *synn* грех [32, с. 810]. У древних греков был синоним *αληθεια* истина, правда; справедливость; правдивость; действительность (по известной реконструкции Б.А. Успенского, корнем является *ληθη* забвение, отсюда имя Леты, реки мёртвых). Другой синоним – *этимон* (*ετιμον* правда; действительно, истинно; *το ετιμον* истинное значение слова, основанное на производстве его от корня); есть ещё форма *ετιμα* правда. В некоторых контекстах в близком значении античные греки использовали понятие *акрибия* (*ακριβεια* величайшая точность, тщательность, основательность, подробность, аккуратность). Обратим

внимание и на специальный термин ακριβολογια точность или тщательность в речи, изложении, исследовании (!); ему соответствует глагол ακριβολογεομαι [34, с. 44, 45, 52, 539, 759]. Кроме того, слову *правда* соответствует δικαιοσυνη справедливость, законность, правосудие [36, с. 191].

Древнееврейское слово *āmāt* (*эмет*) обычно имеет смысл: истина, полученная мистическим путём [37, с. 465]. Оно употребляется в древних текстах в значении установленного правила, и, вероятно, предпочтительнее перевести его на русский словом *правда* [38, с. 57].

В латинском языке *verum* истина; *veritas* истинность; действительность, сущность (в противоположность понятиям *imitatio* подражание, *opinio* мнение (субъективное), *fama* молва, слух); истина, правда (в противоположность понятию *mendacium* ложь, неправда) [39, с. 247, 293, 435, 686]. Значение справедливости в латинском выражает ещё и знакомое русскому слуху слово *justitia*, чей корень *jus* право [40, с. 23, 307]. Э. Бенвенист считает, что *ius* (в нотации через *i-*) с тем же значением имеет соответствия в индоиранском языке: ведийское *yoh* (пожелание целостности, физического совершенства) и авестийское слово *yaos̥* (означающее состояние, которое предстоит достичь) обнаруживают ту же форму. В ходе реконструкции доистории латинского слова *ius* Э. Бенвенист раскрывает его первоначальный смысл: формула, предписывающая поведение, которого присягающий будет придерживаться, и правило, которому он подчинится. Учёный находит предка *ius* в индоевропейском слове **yous* – состояние регулярности, нормальности, достигнутое по ритуальным правилам [41, с. 307]. Латинский термин *veritas*, как и древнееврейский *āmāt*, выражает соответствие закону, но у римлян подразумевается человеческий закон, то есть право, а у евреев – Закон Божий [38, с. 56].

В Словаре Даля *истина* – «всё что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть». В подстрочной сноске он выдвигает предположение: «Всё что *есть*, то *истина*; не одно ль и то же *есть* и *естина*, *истина*?» [42, с. 140]. Казалось бы, гипотеза В.И. Даля согласуется со смыслом общеиндоевропейского корня **es-* быть, к которому восходит прилагательное **s(o)nt^[h]* – истинный. Словарь Дьяченко толкует слово *истина* как справедливость, верность, а его древнегреческим эквивалентом считает αληθεια [43, с. 230]. Словарь Фасмера связывает древнерусское и старославянское слово *истина* с древнепольским *iscina* – истина, капитал, наличные деньги. Корнем слова *истина* служит прилагательное *истый*, *истовый* (от др.-русск. *исто* капитал; ст.-слав. *истъ*, *истовъ* истинный, сущий). От него же происходит юридический термин *истец* (от др.-русск. *истецъ* собственник, законный владелец), то есть проситель, податель жалобы, а в первоначальном значении – тот самый, именно тот. Согласно В.Н. Топорову, славянское *istъ* (тот же самый) является местоименным образованием **is-to-*, аналогичным латинскому *iste* (этот, тот) [44, с. 142, 144].

В Концептуарии Степанова этимология, предложенная В.И. Далем (*истина* = *естина*), считается маловероятной. Наиболее убедительной полагается версия А.И. Соболевского (1891), по которой древнерусское, старославянское прилагательное *истъ* составляет параллель латинскому *iustus* – справедливый, добросовестный, честный, законный. Его корнем является *ius*, *iuris* – справедливость, законное право, право. Тогда *истъ* первоначально означало: соответствующий определённому ритуалу (религиозному или правовому); по правилам сказанный или совершённый; со-

ответствующий порядку и закону. Ю.С. Степанов показывает, что понятие *истина*, «универсальное и единое для всех индоевропейских народов, возникает на различных путях, но все они ведут к одной и той же, как бы заранее predetermined цели» [45, с. 321, 323, 325].

Правда или истина сильнее?

Смысловое соотношение между концептами *истина* и *правда*, их ранг в русском языковом сознании в ходе культурной эволюции изменяется. В современном словоупотреблении, по наблюдениям лингвиста Н.Д. Арутюновой, «*правда* и *истина* более определённо разграничили свои понятийные горизонты». А именно «*Правда* даёт истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей, *истина* – общим суждениям о Вселенной и религиозным представлениям о сущности мира <...>» (цит. по: [46, с. 276]). Согласно Ю.С. Степанову, концепт *истина* выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а *правда* – конкретный случай. Поэтому *истина* выражает общие суждения, правила, а *правда* – частные суждения, обычно о событиях и фактах [45, с. 321, 323, 325]. Так, А. Эткинд выбрал своей «книге отзывов» [47] заголовок «Non-fiction по-русски правда».

Но в текстах Ветхого Завета всё иначе. Так, в Псалтыри читаем: «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются. Истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес; <...>» (Пс 84, 11–12). В Словаре Даля это отличие в семантике иллюстрирует пословица, воспроизводящая зеркальную композицию стиха 12 из Псалма 84: «*Истина от земли*, достояние разума человека, а *правда с небес*, дар благодости. Истина относится к уму и разуму, а добро или благо к любви, праву и воле» [42, с. 140]. Смысловая асимметрия весьма сильна: Показательно, что В.И. Даль приводит лишь несколько пословиц об истине; напротив, пословиц о правде у русских выявлено до 200 [18, с. 248]! Историческая причина этой асимметрии понятна в свете русских этимологических мотиваций, восстановленных Б.А. Успенским. «Слово *правда* этимологически связано с корнем **prav-*; соответственно, *правда* может выступать в таких значениях, как "обет", "обещание", "присяга", "заповедь", "правило", "договор", "закон" – в основе семантики этого слова лежит представление о божественном миропорядке? – пишет он. – <...> Отсюда *правда* может "пониматься как договор между человеком и Богом <...> слово *истина* образовано от местоимений **is-to* и таким образом соотносится с латинским *iste* "тот, этот" <...> Итак, если *истина* соответствует реально переживаемой действительности, то *правда* соответствует высшей духовной действительности <...>» [36, с. 191, 192].

А.Д. Шмелёв также подчёркивает, что в древнерусских памятниках (как и в современном языке) слово *истина* предполагает соответствие действительности и принадлежность миру человека. Напротив, *правда* ориентирована на соответствие идеалу, имеющему божественное происхождение. В современных словах *правда* и *истина* сохранилось древнее противопоставление источников истины, но представление о носителе истины – для каждого из этих слов – изменилось. Современное русское понятие *истина* предполагает соответствие действительности, порой недоступной человеческому знанию, но Бог-то её может знать. Трактовка действитель-

ности (а не закона) как источника истины роднит современное русское понимание *истины* с древнегреческим (*αληθεια*), приписывание же Богу (а не человеку) роли носителя истины сближает с древнееврейским (*āmāt*) [38, с. 56–57]. В древнерусских текстах антоним *правды* – *мечта*, то есть призрачная, а не подлинная «реальность божественного мира» [36, с. 192]. Очевидно, что в нынешнем светском сознании антонимом *истины* (как действительности, *αληθεια*) выступает *виртуальная реальность*. С.С. Хоружий определяет её весьма выразительно и тонко: она не род, но недо-род бытия [48, с. 41].

В высокой русской традиции концепт *правда* несёт максимальную ценностную нагрузку. В материалах для философского словаря К. Исупов посвящает ей много места: «*Правда* – истинностная адекватность события информации о нём. Восходит к славянской антитезе "правда / кривда"; через архаические оппозиции "правого / левого" закрепились как языческий рудимент в составе кардинальных национально-христианских представлений (праведное / грешное, православие; ср. "Русская правда"), сакральных формул клятвы ("ей-Богу, правда", "святая правда"), в теологии (о-правда-ние), юридической (право, правительство) терминологии. Древнейший хронотоп дольней горизонтали (правда взыскуется в пути; см. тему странников-правдоискателей в фольклоре и литературе) усложнён горней вертикалью молитвенного диалога с Богом как Сущей Правдой бытия. На правду перенесена божественная апофатическая атрибутика: *правда* несказанна, неподсудна, безначальна, вневременна, провиденциальна, прикровенна. В аспекте катафатики *правда* всеблага, богооткровенна, софийна, субстанциональна, неделима, спасительна, всечеловечна, конкретна, совершенна» [49, с. 211]. (В христианской теологии апофатика, апофатический (от др-греч. *αλοφασις* отрицание) – определение Бога через полное отсутствие свойств, например, непостижимый разумом; напротив, катафатика, катафатический (от др-греч. *καταφασις* утверждение), определение через максимальную степень свойств, например, всеблагой.) К. Исупов уточняет, что сакрально-мирская фактура *правды* и её промыслительно-дольняя событийная природа породила укоренённую в падшем сознании антитезу «правда / истина» [49, с. 211]. Ю.С. Степанов подчёркивает, что у других европейских наций расщепления правда / истина нет. Для обозначения понятия, более или менее близкого к нашей *истине*, они используют одно слово, например *truth* (англ.), *verite* (фр.), *Wahrheit* (нем.) [45, с. 318].

Знаменательно, что «в своих истоках и свидетельствах правда осуществляется в приоритетном высказывании пророка, младенца, старца или юрода в рамках внебытовой речи или вовсе за пределами слова (от "языка богов" до молчания)». Естественно, «сакральное знание жреца о вышних замыслах избывается его жертвенной судьбой (светский вариант – гонимый поэт-пророк, непонятый мыслитель-изгой)». По формуле К. Исупова, «*правда* Писания приходит на чужом языке и приносит с собой властные структуры как хозяйски организованную информацию. Мифология власти рождается на импорте сакральной *правды* и социального авторитета вождя. Поэтому становится возможной и мифология потребной *правды*, то есть истины (ср. догмат и ересь)». В свете этих обобщений понятно, почему харизматические лидеры всегда заигрывают с правдой либо спекулируют ею: «*Правда* проясняет лицо мира сего и подьмлет его из тварного подобия к первообразу Лица, «обличает» его, то есть освобождает от личин лжи и греховной полуправды». Наконец, в житей-

ской плоскости для человека «в правде есть безысходность последнего знания» [49, с. 211–212].

Таким образом, генезис понятия истины и родственных слов свидетельствует, что этот термин имеет широкое семантическое поле и древние экономико-юридические коннотации.

О концепте истина

Его неохватное содержание – по-прежнему объект споров. Характерен вопрос, сделанный заголовком статьи «Истина: свойство, оператор, событие?» (2008) [50]. Обычно истину трактуют как культурную универсалию субъект-объектного ряда, чьё содержание – оценка знания в плане его соотношения с предметной сферой и со сферой процессуального мышления [51, с. 287]. Дж. Лакофф и М. Джонсон предупреждают: «В культуре, которой присущ миф объективизма и в которой истина всегда абсолютна, определение того, что считать абсолютно или относительно истинным, зависит от людей, навязывающих свои метафоры культуре» [23, с. 187]. Н.Д. Арутюнова видит функцию истины в том, чтобы «свести множественность к единичности» [52, с. 5]. Но такова же и функция науки. Постмодернистская философия (в особенности – французская) отрицает истину, сводя её к персональному убеждению [19, с. 946]. Обозреть эту грандиозную дискуссию у нас нет возможности. Ограничимся общими соображениями, выдвинутыми Н.Д. Арутюновой. 1) Концепт *истина* фундаментален для всех сфер знания и для обыденного сознания. 2) Он закреплён во всех языках. 3) Он служит объектом двух метанаук: философии и логики. 4) Тема истины составляет сквозной сюжет (со)знания, языка, веры, восприятия и интуиции человека. 5) У истины презумптивный статус (от лат. *praesumptio* – предположение, основанное на вероятности < *praesumptum* – наперёд представлять себе). 6) Тезис о непреложности существования истины – ключевая предпосылка развития научного знания. 7) Вопрос о концептуальном фоне истины, в частности, о природе познающего субъекта и его сознания разработан ещё недостаточно [52, с. 3–4]. Последнее особенно важно в контексте методологии синергетики.

Данные этимологии и толкования слов *истина*, *правда* и их аналогов в других языках позволяют (развивая схему А.Д. Шмелёва [38, с. 56–57]) выделить три рабочих понятия. Во-первых, *собственник истины* (оборот речи подсказан статьёй Г.Г. Шпета «Сознание и его собственник», 1916), то есть реальный либо воображаемый субъект, открывающий людям истину. Во-вторых, две фундаментальные функции истины: а) *когнитивная модель* бытия (включая природу); б) модель «правильного» поведения человека и его отношений с другими, с миром, то есть регламент жизнедеятельности общества. Как толковать пункт б) с позиций теории эволюции и синергетики? На наш взгляд, это *кодификация* того, что А.В. Подлазов называет *жизнесберегающими технологиями* [53, с. 330]. К ним относятся практическая этика и мораль, психология межличностных отношений, юриспруденция, медицина, диетология, предписания техники безопасности, ритуалы, а также изучаемые синергичной антропологией С.С. Хоружего [48] молитвенные, аутопсихотерапевтические и коллективные психотерапевтические практики etc. Тройка рабочих понятий поз-

Понятия, выражающие отношения между собственником истины, моделью реальности и регулятивом человеческой активности

Собственник истины	Две фундаментальные функции: истина как модель бытия и как способ обращения с ним	
	Модель (когнитивная) действительности: организации и динамики физического, биологического, социального миров	Модель (нормативная) поведения и взаимоотношений людей
	Науки о природе и науки о духе	Жизнесберегающие технологии
Человек – искатель, открыватель истины, а также сообщество – хранитель и транслятор истины	Др.-инд. <i>sant-, sat-, satya</i> ; авест. <i>hant, hat-</i> ; др.-гр. τα οντα, αληθεια, ακριβεια; лат. <i>verum, veritas</i> ; англ. <i>truth</i> ; фр. <i>verite</i> ; нем. <i>Wahrheit</i> ; русск. <i>истина</i> (от ст.-слав. <i>истъ, истовъ</i> сущий)	И.-е. <i>*s(o)nt^[h]</i> ; хет. <i>aš ant-</i> ; др.-гр. τα οντα, αληθεια, ετυμα, δικαιοσυνη; др.-в.-нем. <i>sand</i> ; др.-сакс. <i>sođ</i> ; др.-англ. <i>sođ</i> ; гот. <i>sunya</i> , др.-англ. <i>synn</i> ; лат. <i>verum, veritas, justitia</i> (корень <i>jus = ius</i> от и.-е. <i>*yous</i>); русск. <i>истина</i> (от др.-русс. <i>исто</i> капитал) и <i>правда</i> (современное)
Сверхъестественное начало – даритель истины	Русск. <i>истина</i> (в современном понимании – соответствие действительности, не зависящей от её явленности человеку, то есть то, что «одному Богу известно»)	Др.-евр. <i>āmāt (эмет)</i> ; русск. <i>правда</i> (в древних текстах, то есть соответствие неземному идеалу)

воляет упорядочить этимологический материал в виде таблицы. Она иллюстрирует со(противо)поставление собственников истины и функций истины в науках о природе и в науках о культуре.

Видимость истины?

Обычно естественно-научное знание получают в процессе *наблюдения*, слежения за некоторым реальным объектом либо его моделью – материальной (в эксперименте) или идеальной (логическая модель, математическая модель, компьютерная симуляция). И ключевой метафорой в познавательной ситуации служит глагол *видеть*, то есть принципиален момент видения истины. Чем оправдан этот – «обсервационный» – подход? Пожалуй, – глубокой и поэтической мыслью, относящейся к древней традиции гностиков, которая приписывает истине подчёркнуто иконический характер. В числе рукописей Мёртвого моря, найденных вблизи Наг-Хаммади, известно апокрифическое «Евангелие от Филиппа». В нём (67. 9) искателю истины объявляется: «Истина не пришла в мир обнажённой, но она пришла в знаках и образах. Он не получит её по-другому» (цит. по [54, с. 381]). Роль наблюдателя в ситуации искания истины давно подчёркивают методологи (пост)неклассической науки.

Так, А. Бергсон, отвергая веру в «ретроспективную значимость истинного суждения», писал: «Предметы и события имеют место в определённые моменты; суждение, констатирующее появление какого-то предмета или события, может быть высказано только задним числом; следовательно, у него есть конкретная дата. Но она тут же исчезает, в силу принципа, укоренённого в нашем интеллекте и гласящего, что всякая истина вечна. Если суждение истинно в настоящем, оно должно, кажется

нам, быть таковым всегда. <...> Всякому истинному утверждению мы приписываем, стало быть, обратную силу, или, скорее, сообщаем ему возвратное движение. Как будто бы суждение могло существовать раньше, чем составляющие его термины!» (1934) [55, с. 131].

В нелинейной динамике распространён зрительный анализ фигур (часто двухмерных), и визуальный компонент методологии синергетики оказывается едва ли не лидирующим. А компьютерные программы позволяют скрупулёзно изучать мельчайшие детали графических форм, при необходимости производимых огромными сериями. Согласно обобщениям Н.Д. Арутюновой, именно зрительному восприятию сопутствуют такие ментальные операции, как классификация, распознавание, интерпретация, выявление импликаций (то есть логических связок типа *если А, то В*), опирающиеся на знание причинных связей. Язык «устроен» так, что предикат *видеть* способен к «переключению» в когнитивный план, переходу от модуса восприятия к ментальному (цит. по [56, с. 156]).

Обсервацию проводит человек (непосредственно или через аппаратуру). Естественно, существенны взаимосвязи содержания истины с характеристиками наблюдателя и условий, в которых он действует. В каких сюжетах универсального эволюционизма и синергетики первостепенна когнитивная сторона наблюдения? В теориях динамических систем, автопойесиса [56], фракталов. Но истину добывает не столько одинокий наблюдатель, сколько сообщество коллег, то есть «наблюдателей за наблюдателем». Значит, нельзя не привлечь учения о знаковых системах – семиотику (от др.-греч. *σημα, σημειον* – знак, сигнал) и аттрактив-анализа А.И. Сосланда [58]. А сферами пересечения указанных направлений исследования оказывается фрактальная семиотика В.В. Тарасенко [59] и репликационный аспект самоорганизации [33]. Тогда открывается простор для компаративного анализа – кооперацией «двух синергетик» – представлений о поисках истины человеком и её признании / отторжении людьми.

Resume

Дуализм (по)знания выражается не только в разобщённости «наук о природе» и «наук о духе». Он – в наличии «двух синергетик»: аутентичной и метафорической (по В.Г. Буданову). Как возможна их синергия? Попробуем обратиться к когнитивистике. Согласно ей, наше представление о мире организовано как сеть концептов – единиц коллективного (со)знания. Дуализм концептов состоит в том, что одни аккумулируют научные обобщения, другие – ценности. Следовательно, встаёт концептологическая задача синергетики. Целесообразно составить Словарь её концептов как инструмент консолидации наук и провести ревизию фонда концептов (силами «двух синергетик») как базу компаративного исследования. В качестве рабочего примера рассмотрен концепт *истина* (этимология слова в различных языках и его толкования). Можно объединить эвристические потенциалы: глобального эволюционизма, синергетики, теории знаковых систем, фрактальной семиотики, аттрактив-анализа, концепта *репликация*, – разрабатывая обсервационный аспект поиска истины.

Библиографический список

1. *Трубецков Д.И.* Колебания и волны для гуманитариев: Учебное пособие для вузов. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997.
2. *Трубецков Д.И.* Две культуры не по Чарльзу Сноу (о преподавании курса «Концепции современного естествознания» в СГУ) // Изв. Сарат. ун-та: Новая серия. 2003. Т. 3, Вып. 2. С. 66.
3. *Ауэрбах Э.* Мимесис. М.: Прогресс, 1976.
4. *Фарыно Е.* Динамика миметическая и динамика моделирования // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной научн. конф., посвящ. 80-летию В.П. Григорьева (19–22 мая 2005 г., Москва) / Отв. ред. Н.А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2006. С. 115.
5. *Кирсанов В.С.* Научная революция XVII века. М.: Наука, 1987.
6. *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика XVII века. М.: Наука, 1993.
7. *Пойзнер Б.Н., Ситникова Д.Л.* Big bifurcation: рождение математического моделирования // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2000. Т. 8, № 5. С. 82.
8. *Вико Дж.* Основания Новой науки / Пер. и коммент. А.А. Губера; вступ. ст. М.А. Лифшица. М.– Киев: Refl-book–ИСА, 1994.
9. *Дильтей В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. под ред. В.А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004.
10. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Общ. ред. и предисл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 1997.
11. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова; сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева. М.: Республика, 1998.
12. *Берлин Ис.* Разрыв между естественными и гуманитарными науками // Берлин Ис. Подлинная цель познания: Избранные эссе / Пер. с англ. и коммент. В.В. Сапова. М.: Канон+, 2002. С. 369.
13. *Астафьева О.Н.* Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы: Монография. М.: Изд-во МГИДА, 2002.
14. *Безручко Б.П., Короновский А.А., Трубецков Д.И., Храмов А.Е.* Путь в синергетику: Экскурс в десяти лекциях. М.: КомКнига, 2005.
15. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
16. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: нелинейность времени и ландшафты эволюции. М.: КомКнига, 2007.
17. *Хайтун С.Д.* От эргодической гипотезы к фрактальной картине мира: Рождение и осмысление новой парадигмы. М.: КомКнига, 2007.
18. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Уч. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006.
19. *Неретина С., Огурцов А.* Пути к универсалиям. СПб.: РХГА, 2006.

20. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2006.
21. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
22. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
23. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
24. *Степанов Ю.С.* Концепты: Тонкая плёнка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
25. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003.
26. *Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б.* Современные проблемы нелинейной динамики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
27. *Пойзнер Б.Н.* Репликатор – посредник между человеком и историей // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 1999. Т. 7, № 6. С. 83.
28. *Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993.
29. *Иванов Вяч.Вс.* Нечет и чёт // Иванов Вяч.Вс. Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 381.
30. *Мелик-Гайказян И.В., Пойзнер Б.Н.* Словарь концептов синергетики – междисциплинарный проект исследователей и педагогов // Математика. Компьютер. Образование: Труды 4-й Междунар. конф. (29 января–3 февраля 1997 г., Пушкино). М., 1997. С. 224.
31. *Пойзнер Б.Н.* Бытие становления как объект познания // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 1994. Т. 2, № 3-4. С. 100.
32. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В двух частях. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
33. *Пойзнер Б.Н.* Репликация – латентный трансдисциплинарный концепт? // Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания: Коллективная монография. Вып. 4. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 220.
34. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
35. *Гачев Г.* Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: ИГ «Прогресс»–«Культура», 1995.
36. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М.: Гнозис, 1994.
37. *Шодем Г.* Основные течения еврейской мистики. М.–Иерусалим: Мосты культуры, 2004.
38. *Шмелёв А.Д.* Правда vs. истина в диахроническом аспекте // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 55.

39. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М.; Пг.; Харьков: Т-во «В.В. Думнов, Наследники Бр. Салаевых», 1918.
40. *Подосинов А.В., Белов А.М.* Lingua Latina. Русско-латинский словарь. М.: Флинта: Наука, 2000.
41. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, Универс, 1995.
42. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ: Т. 1–4: Т. 2: И?О. М.: Прогресс, Универс, 1994.
43. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь: репринтное воспроизведение издания 1900 г. М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993.
44. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.
45. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
46. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
47. *Эткинд А.* Non-fiction по-русски правда. Книга отзывов. М.: Новое лит. обозрение, 2007.
48. *Хоружий С.С.* Очерки синергийной антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
49. *Исупов К.* Материалы для философского словаря // Ступени: Петербургский альманах. 2000. № 1. С. 199.
50. *Соболева М.Е.* Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 117.
51. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998.
52. *Арутюнова Н.Д.* От редактора // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 3.
53. *Подлазов А.В.* Теоретическая демография. Модели роста народонаселения и глобального демографического перехода // Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М. Наука, 2002. С. 324.
54. *Трофимова М.К.* Древний гнозис и размышления Марселя Пруста о художественном творчестве // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч.Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. С. 368.
55. *Бергсон А.* Введение к сборнику «Мысль и движущееся». Часть первая. Возрастание истины. Возвратное движение истины // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 125.
56. *Кустова Г.И.* Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 155.
57. *Матурана У., Варела Фр.* Дерево познания / Пер. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

58. *Сосланд А.И.* Антиванитатизм: Концепт системы аттрактив-анализа // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 1. М.: РГГУ, 2004. С. 138.
59. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика: наблюдатель в масштабах языка // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 490.

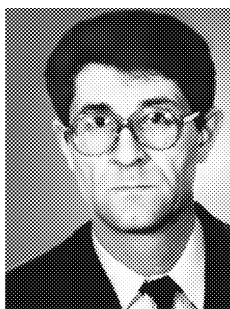
*Томский государственный
университет*

Поступила в редакцию 27.03.2008

TO PLACE CONCEPTS DUALISM AT THE SERVICE OF «TWO SYNERGETICSSES» SYNERGY

B.N. Poizner

Integration of «natural history» with «the humanities» is mission and strategy of Synergetics. Whether the situation of «two Synergeticses» («authentic» and «metaphorical», on V.G. Budanov) contradicts them? The author shows that presence «of two Cultures» realized still by G.B. Vico is stipulated by concepts dualism. Concepts are units of collective knowledge and perception. Some of concepts accumulate scientific generalizations, other keep human values. The author puts forward a conceptological task of Synergetics: to assemble a Dictionary of Synergetics concepts as an instrument of interdisciplinary consolidation; to develop synergy of «two Synergeticses» using the concepts fund as a basis of a comparative research. Concept of truth is considered (etymology of the word in various languages and explanations). Under the author judgement it is possible to join heuristic potentials of Evolution doctrine, Synergetics, Semiotics, Fractal Semiotics (V.V. Tarasenko), Attractive-analysis (A.I. Sosland), concept of replication, developing an observation aspect of truth search.

Поизнер Борис Николаевич – родился в Томске (1941), окончил радиофизический факультет Томского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию по теории колебаний и волн (1970), доцент кафедры квантовой электроники и фотоники ТГУ. Читает лекции по нелинейной оптике, физике, физике лазеров, принципам управления лазерным излучением, основам синергетики. Область научных интересов: квантовая электроника, применение нелинейной динамики в оптике и материаловедении, прикладная наукометрия, культурологическая теория образования. Имеет много статей по указанной тематике. Инициатор подготовки и редактор семи библиографических указателей (в том числе «Синергетика и сопредельные науки», «Университетское образование и его социальная роль», «Интеллигенция в российском обществе и университете», «Психика и интеллект обучаемого»). Действительный член Всероссийского общества библиофилов.
E-mail: Pznr@elefot.tsu.ru